

Т.И.Артёмова, д-р экон. наук

Институт экономики и прогнозирования НАН Украины

ЭКОНОМИКА ДОВЕРИЯ КАК ПРООБРАЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТониКИ

Доверие – понятие трансцендентное, о чём свидетельствует множественность научных подходов к его исследованию. Трансцендентность понятия обуславливается трансцендентным характером самого феномена, который пытаются определить посредством выхода за его пределы и, каждый раз убеждаясь в бесплодности усилий, сформировать о нём исчерпывающее представление. Сказанное, однако, не отрицает позитивных возможностей науки в направлении прояснения путей укрепления отношений доверия как предпосылки гармоничного мирообустройства – институциональной архитектуры хозяйствования. Сегодня проблема восстановления отношений доверия в обществе актуализируется в контексте его послекризисного обустройства. Глобальный финансово-экономический кризис ещё не завершился, но мировая элита с уверенностью смотрит в будущее; в её среде едва ли можно найти такого субъекта, который не знал бы, что мировые кризисы хозяйствования, являясь атрибутом экономического цикла (который, в свою очередь, представляет форму реализации капиталистической (либерально-рыночной) системы совокупного общественного воспроизводства), периодически повторяются. Теория, история и социальные последствия промышленных кризисов получили отображение в классических работах плеяды выдающихся исследователей XIX–XX веков, специальный поток литературы посвящён анализу особенностей Великой депрессии 1929–1933 годов. Предсказания касательно нынешнего глобального кризиса, как стало видно, разнились лишь в сроках наступления, продолжительности, описании исходных механизмов развёртывания, а после начала кризиса не было недостатка и в рекомендациях по борьбе с ним. При этом в глубине общественного подсознания хоронится уверенность, что любой экономический кризис, "если даже с ним вовсе не бороться, рано или поздно закончится, как преодолевались все предшествующие ему"¹.

В целом антикризисная тематика современности концентрируется в русле выявления форм и способов восстановления докризисных темпов развития экономики как на национальном, так и на общемировом уровне, актуализируется разработка сценариев бизнес-активности при различных сочетаниях её благоприятных и неблагоприятных факторов. Одним из весомых аргументов оптимистичного взгляда в будущее является опора на мощь накопленного тысячелетиями научного потенциала, которым человечество со второй половины XX века овладело и направило на практическую службу экономическому прогрессу. Действительно, знаменательной

¹ Цофнас А.Ю. Аспекты понимания финансового кризиса // Вопросы философии. – 2009. – № 11. – С. 53.

вехой рубежа XX–XXI веков стала инициатива "новой экономики" с ядром в форме экономики знаний, что нашло отображение в ряде программных документов международного характера² и встретило широкую поддержку и одобрение во многих регионах и странах, включая Россию и Украину. В конструкте экономики знаний как бы получил своё глобальное концептуальное завершение и практическое осуществление провозглашённый эпохой Просвещения всемирный проект построения "царства разума" посредством распространения знаний и организации воспитательно-образовательной и культурно-просветительской деятельности в среде широких народных масс.

Торжественное провозглашение "новой экономики" как экономики знаний вскоре после крушения хозяйственной системы традиционного социализма призвано было увенчать завершение мирового соперничества двух социально-экономических систем и закрепить превосходство западного (капиталистического) образа жизни: либерально-демократической модели хозяйствования, доктрины рыночного индивидуализма и экономической эффективности. Между тем, вызреванию и распространению экономики знаний сопутствовала общая ценностная деградация социума во всех сферах и на всех уровнях мирового общественного хозяйства, которая заявила о себе в полную силу в ходе нарастания глобальных дисбалансов и диспропорциональности. Однако, несмотря на представленные в научной литературе попытки разностороннего трактования причин и сути нынешнего глобального кризиса, он официально позиционируется как финансово-экономический, что не позволяет его оценивать в социальной – морально-этической – системе координат; в связи с этим возникает потребность в более широком взгляде на указанные проблемы.

По мнению российского философа И.Ильина, кризис (от гр. "крино" – "сужу") – это такое состояние человека, его души и тела или дел и событий, в котором выступают скрытые силы и склонности; они развиваются, развёртываются, осуществляют себя, достигают максимального напряжения и проявления, своей высоты и полноты и тем самым обнаруживают свою настоящую природу: они как бы произносят сами над собою суд и переживают поворотный пункт; это их перелом, перевал, час, в который решается их судьба; это время их буйного расцвета, за которым начнётся или их преодоление и крушение, или же умирание того человека или того человеческого дела, которое было достигнуто кризисом"³. В контексте сказанного представляется сомнительным упование на всемогущество накопленного наукой экономического инструментария в области автоматического регулирования хозяйственных циклов, равно как и на то, что нынешний кризис непременно разрешится новым экономическим подъёмом.

Скептические ожидания относительно перспектив развития современной глобальной экономической системы связаны с отсутствием в обществе адекватной стартовой платформы и предельного напряжения жизненных сил, необходимых для преодоления кризисных явлений и про-

² World Development Report (1998/99): Knowledge for Development. – The World Bank, 1999; The New Knowledge Economy in Europe. A Strategy for Internationale Competitiveness and Social Cohesion / Ed. By M.J. Rodrigues, E. Elgar. – Pbl., 2002; Knowledge Economy II Forum "Implementing Knowledge Economy Strategies: Innovation, Life-Long Learning, Partnerships, Networks, and Inclusion". – Helsinki, March 25–28, 2003; Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы: Доклад Всемирного банка. – М., 2003; ЮНЕСКО. Всемирный доклад "К обществу знаний", 2005 и др.

³ Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10-и т. – Т. 1. – М., 1996. – С. 332.

рыва на принципиально новый уровень хозяйственной реальности. Указанные ожидания обусловлены также тем, что в общественном сознании отсутствуют сами представления о формах и содержании принципиально новой хозяйственной реальности, соответственно, отсутствует и социальный запрос на неё. Шаги и действия, которые предпринимаются сегодня глобальными игроками в отношении кризисных явлений в экономике, можно характеризовать как попытки косметического ремонта фасада такой хозяйственной системы, которая исторически изжила себя и требует не просто капитального восстановления (реновации), но своего преодоления, полной замены. Между тем, считается, что указанное общество имеет безграничные резервы для развития, что эпоха всеобщего благоденствия, порождаемая двумя конкурирующими формами хозяйствования – государственным и рыночным капитализмом – только начинается⁴, подтверждением чему является стремительное распространение экономики знаний. При этом упускается из виду, что процессы деморализации в обществе достигли своего апогея именно в период становления конструкта экономики знаний, институционально закрепившего утилитаристское отношение к науке, знанию вообще, а тем самым и ко всей системе общественных ценностей.

Неслучайно в научной среде сегодня значительно активизировались попытки ценностной самоидентификации отраслей знания посредством позиционирования всем научным сообществом и каждой из наук своей этической (ценностной) составляющей⁵. Однако ценностно позиционирующие себя отрасли научного знания как субъекты хозяйственного пространства, организованного по законам рынка (экономики знаний), полностью подчиняются действию экономических законов капитализма и адекватным образом реализуют собственную целевую функцию, вступая в жёсткую конкуренцию за получение более выгодных условий финансирования и других рыночных преимуществ. То есть мировому научному разуму свойственно состояние ценностной раздвоенности, когда попытки вычленения этической составляющей на общеметодологическом уровне в связи с необходимостью прояснения условий хозяйственной жизнедеятельности в её трансцендентном смысле закономерно направляются в русло реализации практических целей, ориентированных на экономический результат. Это явление наглядно отражает современная интерпретация термина "этнос науки", предложенного в 1940-е годы американским социологом Р.Мертоном. Указанное понятие, как отмечают специалисты, означает набор правил и норм, которые действуют в определённой среде и аналогичны этическим, но по сути не являются таковыми (поскольку отсутствуют этические максимы и регуляторы). Императивы научного этноса – это своего рода минимальные нормы, гарантирующие честную конкуренцию в науке, регулирующие профессиональное поведение учёного, выражающие отношение общественности к этому поведению и результатам научной работы. Придерживаясь этих норм, учёный рассчитывает на адекватную реакцию со стороны сообщества в своём стремлении получить научное признание⁶.

⁴ Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. – С. 104.

⁵ Этичний кодекс України // Вісник Національної академії наук України. – 2009. – № 7. – С. 61–68; Малахов В. Этичний кодекс ученого // Вісник Національної академії наук України. – 2009. – № 5. – С. 12–19; Этнос науки. – М., 2008 и др.

⁶ Онопрієнко В. Этнос науки в эпоху змін // Вісник Національної академії наук України. – 2009. – № 6. – С. 58.

Однако даже в контексте институционализации (облагорожения) собственного поведения учёный сегодня не может рассчитывать на адекватную оценку своей деятельности со стороны сообщества, ибо само информатизирующееся общество предстаёт как амбивалентное, парадоксально устроенное. С одной стороны, его, вслед за У.Бекем, характеризуют как общество опасностей и катастроф⁷, с другой, следуя в русле, проложенном Ф.Эвальдом, – как застрахованное общество, в котором безопасность поднята до уровня центральной ценности⁸. В целом же современная хозяйственная система позиционируется специалистами как общество риска, постоянно балансирующее на грани безопасности и ненадёжности, неопределённости и выбора⁹.

Исторически понятия ненадёжности и риска появляются в средние века, они тесно коррелируют с понятиями "недоверие" и "неверие" и наиболее зримо обнаруживают себя в контексте трактовки ссудного процента и ростовщичества. Важно, что ссудный процент как таковой не был тождественен ростовщичеству, справедливым считался процент, взятый в качестве компенсации за риск невозврата данных взаймы денег, что, однако, могло быть установлено лишь в будущем. Следовательно, над заимодавцем-процентщиком, независимо от всего прочего, исходно дамокловым мечом нависала опасность оказаться на костре за несправедливо взятые платежи, то есть обратной стороной феноменов неверия и недоверия для хозяйствующего субъекта оказывался риск загубить свою душу для будущего.

С конца XVI столетия понятие риска освобождается от религиозного содержания и становится атрибутом чисто экономического мышления. Здесь риск (от итал. *riscare* – взвешивать) толкуется как возможный результат коммерческих операций, связанных с перспективой неопределённого будущего, опасности которого "прозреваются" и "просчитываются" уже сейчас посредством страхования материальных ценностей, подлежащих обмену. Риск при этом начинает означать не более чем соотношение шансов и потерь по отношению к определённому сознательно принимаемому решению, с помощью которого неизвестное будущее хотят сделать вычислимым¹⁰. Соответственно, риск рационализируется: он соотносится с возможными угрозами будущего, взвешивается, обсчитывается с целью их нейтрализации, институционализируется как мера и масштаб "страхов" хозяйствующего субъекта, стремящегося к обретению "сносной ненадёжности или же разумно достижимой безопасности"¹¹ экономического бытия.

Как продукт измерения ожидаемого экономического ущерба в связи с предполагаемой вероятностью его появления риск превращается в понятие, дополняющее и проясняющее условия безопасности хозяйствования, в так называемую смягчённую форму ненадёжности бытия экономического пространства-времени. Однако каждая достигнутая таким образом победа над "стихиями" хозяйственного бытия приобретает привкус "безопасности из вторых рук": она не является более даром безальтернативного мира, но обнаруживает зависимость от вариантов субъективно

⁷ Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. – М., 2000.

⁸ Ewald F. Die Versicherugs – Gesellschaft. Kritische Justiz, 1989.

⁹ Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 26–46.

¹⁰ Там же. – С. 27.

¹¹ Там же. – С. 29.

осуществляемого расчёта – вычисления, которое в будущем может быть оценено и как правильное, и как ложное, а следовательно, изначально содержит в себе вероятность социально-экономических и правовых претензий. В силу того, что экономическая безопасность хозяйственной деятельности достигается с помощью сознательно-субъективных решений, она утрачивает гармонию бытия институциональной архитектуры, приобретая характер относительной ("рискованной") безопасности. "Если риск означает открыть неизвестное будущее для принятия решений, то всегда есть опасность, что из качества определённых действий вырастет абсолютно неустранимая форма существования деятельности, – пишет Г.Бехман. – Чем больше неопределённость относительно временных взаимосвязей результатов, действий, решений, тем более становится возможным и необходимым ввести в игру риск. Тогда и попытки избежать рискованных действий с помощью предупредительных стратегий также осознаются как рискованные, поскольку груз затрат и отказов может впоследствии оказаться ненужным балластом"¹².

Понятие и принятие риска основывается на придании будущей опасности статуса настоящего, то есть риск является одновременно предпосылкой и результатом принятия решений относительно последующих действий или бездействия: так, сама по себе возможность природной катастрофы не несёт для общества риска, представляя в лучшем случае лишь угрозу, но после того как в отношении неё осуществляется выбор мер социально-экономических действий или бездействия, риск становится реальностью хозяйственного бытия. По мнению специалистов, современное общество именно потому и настолько представляет собой общество риска, насколько оно все опасности хозяйственной деятельности интерпретирует в качестве риска и посредством этого порождает огромную потребность в принятии решений¹³.

Угрозы, которые несёт современная цивилизация хозяйствующему субъекту, по своей природе несопоставимы с опасностями предшествующих времён, ибо сегодня все беды человечества являются плодом его же рук, они порождаются принятыми или не принятыми экономическими решениями и имеют форму рисков. В понятии риска выражается, таким образом, новое качество сотворённой человеком в индустриальную эпоху природы как бытия экономического пространства-времени и новая природа самого хозяйствующего субъекта как человека экономического. Свобода экономического выбора, многократно умножив потенциал принимаемых человеком решений, устремила помыслы капиталистически хозяйствующего субъекта из прошлого в будущее. Действительно, в той степени, в какой обществом осознаётся, что сегодняшние социально-экономические решения вызовут завтра определённые хозяйственные последствия, "предугадываемое будущее определяет уже проходящее настоящее", то есть будущее для человека экономического не является более непрозрачностью грядущего, а должно быть уже сегодня осознано и просчитано¹⁴. Однако драматичность и несостоятельность усилий, связанных с рациональными "просчётами" хозяйственной перспективы, даже с помощью высококлассного кризис-менеджмента, сегодня становятся всё более очевидными. Экономически "прозреть" неопределённость бу-

¹² Там же.

¹³ Там же. – С. 30.

¹⁴ Там же. – С. 42.

дущего путём расчёта риска принимаемых решений хозяйствующий субъект капиталистического типа пытается для достижения двух основных результатов – использования возможных преимуществ и/или избежания возможных потерь, но сами желаемые "выгоды" и нежелательные "потери" также располагаются в будущем, которое остаётся принципиально неизвестным. В условиях свободы экономического выбора риск превращается в рефлексивную форму принятия (или непринятия) любых хозяйственных решений, которые в самих себе содержат потребность в корректировке; то есть риск как неотъемлемая составляющая (атрибут) рационального поведения экономического субъекта, его постоянный спутник, по своей природе суть его (рационального поведения) инобытие, а следовательно, явление сугубо экономическое. Мир экономизма и рациональности при этом утрачивает теплоту объективного бытия экономического пространства-времени, становится "случайным", двусмысленным, парадоксальным – зависимым от субъективно принимаемых решений, экономических расчётов, предвзятого мнения. Это мир, враждебный человеку, холодный, расчётливый, опасный, бездушный, общество, неприемлемое для жизни, общество тотального риска – как расплата за человеческое неверие и недоверие. По своей сути капитализм – это общество, каждый субъект которого непрерывно рискует самым ценным: своей свободой и возможностью загубить душу для будущего. Нынешний глобальный кризис является свидетельством реальности такого риска и одновременно грозным предупреждением о нём.

В становление и широкое распространение феномена риска существенный вклад внесла и вносит наука, воспроизводящая себя в соответствии с конструктом экономики знаний. Роль науки как катализатора отношений общественного недоверия двойка. С одной стороны, она является субъектом, непрерывно продуцирующим сами риски. Действительно, важнейшей характеристикой рискованных решений есть их зависимость от знаний. Можно, конечно, принимать решения на основе интуиции, говорит Г.Бехман, но форма расчёта принуждает к тому, чтобы собирать информацию о возможных хозяйственных ситуациях, проверять их на воспроизводимость, то есть делать их поддающимися исчислениям¹⁵. Прогнозируя экономические выгоды и потери будущего, наука одновременно актуализирует хозяйственные риски и должна уметь идентифицировать их с тем, чтобы нейтрализовать или обезопасить негативные последствия своей деятельности. И в этом состоит "парадокс пропитанного наукой общества" – единство и противостояние риска и рациональности.

Наука сегодня постоянно должна заниматься анализом и корректировкой последствий своей деятельности, в то время как указанные последствия приобретают для общества всё более угрожающий характер. Различия между рисками старого и нового типа, а вместе с тем и между потенциалом угроз катастрофического характера, присущих цивилизациям прошлого и нынешней глобальной экономике, по мнению специалистов, обуславливаются развитием техники и технологий. Восприятие, оценка и регулирование порождённых техникой угроз и опасностей осуществляется преимущественно посредством науки; одновременно наука способствует развитию всё более мощных и наукоёмких технологий, которые, собственно, и являются главной причиной возникновения современных хозяйственных рисков.

¹⁵ Там же. – С. 31.

Исследование риска стало весьма солидным бизнесом для науки. Осуществляя идентификацию, оценку, измерение рисков в контексте соотношения возможных экономических выгод и ущерба, управление рисками, анализируя условия их страхования, современная наука, однако, так и не смогла сформировать общую теорию рисков или хотя бы эффективно структурировать накопленные в этом отношении исследования. Между тем, одновременно с ростом доходности исследовательских программ в области оценок риска и рискованного менеджмента становятся всё более очевидными новые опасности, исходящие от современных технологий, которые уже катализировали ряд серьёзных социально-экономических конфликтов и глобальных проблем, а также способствовали институционализации самих указанных программ в рамках организующегося проблемного сообщества¹⁶.

С учётом вышесказанного получается, что попытки субъектов современной экономики знаний сформировать платформу комфортного, приемлемого для жизни общества посредством механизмов идентификации, институционализации и эффективного управления всей совокупностью социально-экономических рисков остаются всего лишь благими намерениями. Они осуществляются параллельно с непрерывным продуцированием угроз и рисков, и это напоминает некую дурную бесконечность, бег по кругу с постоянным возвращением к непережитому, неосмысленному, неразрешившемуся прошлому, к "разрежённому бытию, в котором люди живут по инерции – "вне сознания", "вне культуры"¹⁷. Здесь процесс институционализации рисков, понимаемый как постоянная корректировка норм, правил, законов, регламентирующих хозяйственную деятельность, осуществляется по принципу привнесения доверия в каждую "рискованную" точку рыночного пространства. Но тем самым парадоксальность капитализма не только не снимается, а усугубляется, приобретая характер общества тотального недоверия, ибо такая институционализация упрочивает "плоский релятивизм" межличностных отношений, усыпляет суд совести хозяйствующих субъектов обещаниями возможных рыночных выгод и преимуществ, что напоминает средневековую торговлю индульгенциями, дающими ещё при жизни их владельцам право райской благодати в мире ином. И в этом состоит вторая функция науки как субъекта экономики знаний в упрочении позиций феноменов риска и недоверия в глобальной системе социально-экономических отношений.

Экономика знаний как бы встаёт между деятельным хозяйствующим субъектом и природой и затеняет, заслоняет истинное содержание бытия и субъекта, и природы, а вместе с тем самый смысл наметившейся трансформации того и другого; она "играет" институтами, приспособлявая их для прорицания экономических перспектив, манипулирует человеческой свободой, обволакивая сознание индивидов миражами свободы экономического выбора в виртуальном пространстве Сети. Видоизменяя "пустые" экономические формы, она нивелирует социальную потребность и социальный запрос на прояснение истинной природы нормы, правила,

¹⁶ *Fredericks G.* Risk Research – A "Problem Community" and its Role in Society // Conrad J. (Ed.). Society, Technology and Risk – Assessment. – L., 1989. – P. 123–130.; *Bechmann G., Fredericks G.* Orientierungsprobleme der Riskoforschung im Konfliktfeld von Wissenschaft und Öffentlichkeit. Manuskript. – Karlsruhe, 1981.

¹⁷ *Киселёв Г.С.* Вторая Вселенная: драма свободы // Вопросы философии. – 2010. – № 3. – С. 7.

закона, а вместе с тем и самой свободы экономического выбора в новых условиях хозяйствования. Рассматривая доверие в контексте традиционно понимаемого института, современная экономическая наука заслоняет трансцендентную сущность экономики доверия как экономики превращённых экономических форм, отображающих взаимное "перетекание" отношений стоимости, предельной полезности и цены – экономической ценности как общественного экономического блага¹⁸.

Между тем, экономика доверия – это смешанная экономика, область экономических отношений, органически соединяющая частный и общественный интересы; её сердцевиной является рынок общественных товаров (так называемый социальный капитал), формирующийся на границе рынка частных товаров и сферы производства и предоставления чистых общественных благ и обеспечивающий благоприятные условия реализации творческого потенциала человека, коллектива, общества. Это переходная экономика, содержание которой составляет идеальная трансформация модели рынка совершенной конкуренции в модель цены производства, а практически движение традиционной экономики в направлении гармоничной институциональной архитектуры общественного хозяйства. Это экономика преодоления царства Необходимости посредством выхода за узкие пределы рынка человеческого капитала в направлении царства Свободы. Это экономика позитивного релятивизма: институционализации как вхождения в хозяйственную иерархию нового типа. Это медианная, срединная экономика, экономика межвременья; здесь общественное мышление определяется логикой срединного пути, которая проясняет новые ценностные основания экономического равновесия и развития хозяйственной системы. Это экономика доброй воли, формирующей предпосылки всемирного законодательства посредством разворачивания истории в современность.

Экономика доверия – это общество предельного напряжения жизненных сил, экономика трансцендентальности, связанной с трансформацией человеческой природы, при которой нормальным становится сверхъестественное, законным – выход за пределы природной причинно-следственной связи, правилом – нарушение естественного порядка вещей, это общество, в котором подлинная свобода экономического выбора оказывается возможной лишь в условиях отсутствия выбора.

¹⁸ См.: Артёмова Т.И. Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования. – К., 2006.